

Акты Сийского монастыря. Выпуск первый
Грамоты патриарха Филарета (1613-1633 г.г.)

УДК 93
ББК 63.3
А43

А43 Акты Сийского монастыря. Выпуск первый: Грамоты патриарха Филарета (1613-1633 г.г.) / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 120 с.

ISBN 978-5-458-25680-3

С портретом патриарха Филарета и тремя фото-тинто-гравюрами. В 1903 году Архангельской духовной консисторией были доставлены в местный археологический Комитет три ящика со старинными документами из архива Антониево-Сийского монастыря. По предварительному подсчету в ящиках оказалось до 10000 отдельных свертков с документами XV, XVI, XVII и XVIII столетий. Среди них грамоты, данные монастырю царями, московскими патриархами, новгородскими и некоторыми другими митрополитами и местными архиепископами, а также множество документов, характеризующих как церковно-общественную жизнь русского государства вообще, так и в частности жизнь Двинского края и самого монастыря. В настоящем издании опубликованы грамоты, данные Сийскому монастырю патриархом Филаретом, охватывающие период с 1619 по 1633 год. Книга оцифрована работниками Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова.

ISBN 978-5-458-25680-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Въ 1903 году Архангельской Духовной Консistorіей были препровождены въ мѣстный Церковно-археологическій Комитетъ три ящика со старинными документами изъ архива Антоніево-Сійскаго монастыря. По предварительному подсчету, произведенному особой комиссіей въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ Комитета, въ ящикахъ оказалось до 10,000 отдѣльныхъ свертковъ съ документами XV, XVI, XVII и XVIII столѣтій. Въ виду несомнѣннаго историческаго значенія документовъ и ихъ многочисленности комиссія высказалась за необходимость скорѣйшаго приведенія ихъ въ порядокъ и составленія имъ описи, о чемъ и было сообщено Духовной Консistorіи. Послѣдняя предложила Сійскому монастырю отпустить средства на составленіе описи; монастырь, хотя и не отказался, но, по недостатку таковыхъ, могъ сдѣлать это только по частямъ. Въ 1904 году составленіе описи—по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи—шло довольно успѣшно: было описано 10,888 документовъ. Описаніе состояло въ томъ, что дата и краткое содержаніе документа выписывались на отдѣльный листокъ бумаги, затѣмъ документъ завертывался въ этотъ листокъ и обвязывался ниткой; на сверткѣ снова выставлялась дата. Въ послѣдующіе годы дѣло описанія шло нѣсколько медленнѣе, но къ 1906 г. оно все-же было закончено: всѣхъ описанныхъ документовъ оказалось 25,647. Должно, впрочемъ, сказать, что въ описаніи, въ которомъ принимали участіе разныя лица, не вездѣ сохраненъ одинаковый харак-

теръ работы: есть неточности и, быть можетъ, даже неправильности. Кромѣ того, при внесеніи описанія съ карточекъ въ общукъ описъ, составившую 5 книгъ, въ ней не вездѣ выдержанъ хронологическій порядокъ и вкралось много пропусковъ, такъ что пришлось сдѣлать особое „дополненіе“, составившее шестую книгу описанія. Но и при всѣхъ этихъ недостаткахъ описъ свидѣтельствуешь о богатствѣ историческаго содержанія документовъ Сійскаго монастыря, охватывающихъ собою время отъ конца XV по начало XVIII вѣка. Въ составъ ихъ входятъ грамоты, данныя монастырю царями, московскими патриархами, новгородскими и нѣкоторыми другими митрополитами и мѣстными архіепископами, а затѣмъ—множество документовъ, характеризующихъ какъ церковно-общественную жизнь русскаго государства вообще, такъ—особенно—жизнь Двинскаго края и—въ частности—самого монастыря. Это богатство содержанія документовъ, отразившихъ въ себѣ всѣ стороны мѣстной жизни, объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, Сійскій монастырь, до учрежденія въ 1682 г. Холмогорской епархіи (архіепископіи), служилъ органомъ церковнаго управленія Двинскимъ краемъ; съ другой стороны, монастырь, какъ богатый землевладѣлецъ, входилъ въ самыя разнообразныя отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. По развитію же внутренней жизни и по своей культурной и просвѣтительной дѣятельности Сійскій монастырь былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ монастырей нашего отечества въ указанный періодъ времени.

Архангельскій Церковно-археологическій Комитетъ неоднократно намѣревался приступить къ изданію въ печати принятыхъ имъ въ свое вѣдѣніе документовъ Сійскаго монастыря*). Но вслѣдствіе многочисленности ихъ, частью затрудняясь въ порядкѣ изданія, главнымъ же образомъ по недостатку лицъ, которыя могли бы взять на себя дѣло при-

*) Отчетъ о дѣят. Комитета за 1909 г., стр. 4.

готовленія документовъ къ печати, а также по недостатку средствъ на дѣло изданія, долго не могъ осуществить свое намѣреніе.

Въ 1911 г. занимавшійся въ древнехранилищѣ Комитета студентъ Московскаго Университета А. С. Воскресенскій предложилъ Комитету свои услуги въ дѣлѣ снятія копии съ грамотъ, данныхъ Сійскому монастырю патриархомъ Филаретомъ и царемъ Михаиломъ Ѣеодоровичемъ, и составленія къ нимъ введенія для изданія ихъ въ печати. Въ виду приближавшагося 300-лѣтняго юбилея царствованія Дома Романовыхъ предложеніе это было съ признательностью принято Комитетомъ: выработаны были руководящія правила по изданію и опредѣлены условія, на которыхъ г. Воскресенскій будетъ трудиться. Но отчасти вслѣдствіе того, что дѣло снятія копій затянулось, отчасти вслѣдствіе недостатка средствъ на изданіе Комитетъ вынужденъ былъ ограничиться изданіемъ грамотъ, данныхъ Сійскому монастырю патриархомъ Филаретомъ, предположивъ слѣдующій выпускъ посвятить грамотамъ, даннымъ монастырю царемъ Михаиломъ Ѣеодоровичемъ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Сожалѣтельно“, говоритъ митр. Платонъ въ своей церковной исторіи Россіи, „что о церковныхъ дѣяніяхъ первыхъ трехъ патріарховъ ¹⁾ мало что въ лѣтописяхъ упоминается.. и еще меньше о произведеніяхъ ихъ найти можно“ ²⁾. Эта скудость извѣстій, думается намъ, служить достаточнымъ оправданіемъ для опубликованія документовъ, дополняющихъ наши представленія о личности и дѣятельности „великаго господина и государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи“.

Печатаемыя ниже грамоты патр. Филарета извлечены изъ архива Сійскаго монастыря. Первоначально этотъ архивъ находился въ самомъ Сійскомъ монастырѣ, но въ 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія заботами Архангельскаго Церковно-Археологическаго Комитета онъ былъ перенесенъ въ Архангельскъ и помѣщенъ въ Епархіальномъ Древнехранилищѣ, гдѣ сохраняется и понынѣ.

Значительное число грамотъ (51) объясняется особыми отношеніями патр. Филарета къ Сійскому монастырю и къ его игумену Іонѣ. Съ Сійскимъ монастыремъ былъ связанъ одинъ изъ наиболѣе трагическихъ моментовъ въ жизни патріарха—здѣсь онъ смѣнилъ блестящій кафтанъ боярина на черную рясу инока, здѣсь протекли томительные годы его ссылки.

Данныя объ опалѣ, постигшей фамилію Романовыхъ, крайне скудны, и историку приходится имѣть дѣло больше съ догадками и предположеніями, чѣмъ съ достовѣрными свидѣтельствами. Частныхъ извѣ-

¹⁾ Игнатія митр. Платонъ выключаетъ, какъ „лже-патріарха“.

²⁾ Церк.-Рос. Исторія, т. II. стр. 229.

стей почти нѣтъ, а официальные акты, содержащіе переписку относительно осужденныхъ уже и разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ лицъ, какъ бы сознательно умалчиваютъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ суровую расправу Бориса Годунова съ Романовыми, и оставляютъ насъ въ полномъ невѣдѣніи о причинахъ опалы.

Романовы (Кошкины, Захарьины) были одной изъ наиболѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ боярскихъ фамилій въ Московскомъ государствѣ XV—XVII ст. Родоначальникъ ихъ, Андрей Ивановичъ Кобыла, по преданію, выѣхалъ „изъ Пруссы“ въ половинѣ XIV столѣтія. Черезъ Анастасію Романовну, первую жену Ивана Грознаго, Романовы породнились съ царскимъ домомъ и сдѣлались близки ко двору. Братъ Анастасіи, Никита, былъ настолько популярной личностью въ государствѣ, что народная память сохранила его имя въ пѣсняхъ, придавъ Никитѣ черты народнаго заступника и благожелателя. Отъ второй супруги, Евдокии Александровны Горбатовой-Шуйской, Никита имѣлъ 6 сыновей. Годъ рожденія Ѳедора Никитича точно не извѣстенъ; нѣкоторые считаютъ возможнымъ помѣстить его между 1554 и 1560 г.г.¹⁾

„Ѳедоръ Никитичъ“, говоритъ со словъ современниковъ Н. И. Костомаровъ, „болѣе всѣхъ братьевъ выказывался умомъ и дарованіями. Онъ отличался привѣтливымъ обращеніемъ, былъ любознателенъ, научился даже по-латыни. Никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ, не было въ Москвѣ красивѣе и щеголеватѣе мужчины“.²⁾ Блестящаго вельможу, богато одареннаго отъ природы, царскаго родственника, любимаго окружающими, ждала завидная политическая карьера. Нижегородскій намѣстникъ, воевода въ походѣ противъ Швеціи, намѣстникъ псковскій...—Ѳедоръ Никитичъ быстро выдвигался

¹⁾ Смирновъ. „Патріархъ Филаретъ Никитичъ“. „Чтенія въ Общ. люб. духов. просв.“ 1873 г. Кн. 1, стр. 114.

²⁾ Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. III, стр. 730.

въ ряды высшихъ сановниковъ государства. Его часто встрѣчаемъ въ числѣ участниковъ царскихъ обѣдовъ въ 1586—89, 1591—92 г.г., что указываетъ на близкія отношенія Ѳедора Никитича къ царской семьѣ, ибо кружокъ лицъ, приглашаемыхъ къ столу во дворецъ, былъ довольно ограниченъ.

Есть извѣстіе, что царь Ѳедоръ Ивановичъ, умирая, „приказалъ Ѳ. Н. свою думу“¹⁾, Бэръ передаетъ даже, что Романову было предложено и царство, но Ѳ. Н. отклонилъ сдѣланное ему предложеніе. Состояніе нашихъ источниковъ не позволяетъ судить намъ, насколько искрененъ былъ отказъ Ѳ. Н., и вопросъ о его тайныхъ притязаніяхъ остается неразрѣшимымъ. Правда, въ Коломенскомъ дворцѣ найденъ портретъ Ѳ. Н., гдѣ онъ изображенъ въ царскомъ кафтанѣ, перепоясанномъ дорогимъ поясомъ, и въ платьѣ, надѣтомъ поверхъ кафтана и опушенномъ горностаемъ. На груди его виситъ панагія, правая сжатая рука держитъ скипетръ; волосы на головѣ, усахъ и на бородѣ подстрижены, какъ у свѣтскихъ людей. На портретѣ открыта надпись: „Царь Ѳедоръ Микитичъ“²⁾. Но возможно, что этотъ портретъ позднѣйшаго происхожденія и не имѣетъ никакого отношенія къ личнымъ намѣреніямъ Ѳ. Н. Во всякомъ случаѣ, Ѳ. Н. принималъ участіе въ избраніи Бориса Годунова, и его имя значится среди подписей подъ избирательной грамотой. А новоизбранный царь будто бы клятвенно обѣщалъ раздѣлить съ Ѳ. Н. власть и „имѣть всѣхъ Романовыхъ, яко братію, а Ѳедора царствію помощника“³⁾.

Дѣйствительно, вначалѣ отношенія между царемъ и Романовыми были дружескія и не оставляли желать ничего лучшаго, потомъ что-то произошло, почувствовалась какая-то перемѣна въ царѣ, и надъ Романовыми неожиданно разразилась опала. Лѣтописецъ предполагаетъ здѣсь злой умыселъ царя: будто бы по приказу Семена Годунова, дѣйствовавшаго съ согла-

¹⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ. Т. I, № 203.

²⁾ Русскій архивъ. 1863 г. Во 2-мъ изд. (1866 г.) стр. 83.

³⁾ Дополненіе къ „Актамъ Истор.“ Т. II, № 76.

сія царя, Бартеневъ, дворовый челоѡкъ и казначей Александра Никитича Романова, подбросилъ своему господину мѣшокъ съ разными корешками. Донесли Борису, что у Романовыхъ припасено для царя „отравное зелье“. Произвели обыскъ, нашли мѣшокъ, Романовыхъ потребовали къ отвѣту. На патриаршемъ дворѣ собралось множество народа, привели Ѳедора Никитича съ братьями. Напрасно Романовы пытались оправдаться— бояре встрѣтили ихъ слова злобно и недоброжелательно, „пыхаху на нихъ, аки звѣрие, и кричаху.“, „обвиненные не могли ничего отвѣчать отъ многонароднаго шума“. Искали болѣе серьезныхъ обвиненій для осужденія, привлекли къ дѣлу родственниковъ и друзей Романовыхъ—кн. Черкасскихъ, Сицкихъ, Шестуновыхъ и др., допрашивали слугъ, „научали“ ихъ показывать противъ господъ своихъ, но ничего не могли добиться. Не помогли и пытки, которымъ неоднократно подвергали Романовыхъ. Долго держали арестованныхъ „за приставами“, наконецъ въ юнѣ 1601 года состоялся боярскій приговоръ. Ѳедора Никитича сослали въ Сійскій монастырь, жену его Ксенію Ивановну, урожденную Шестову, въ Заонежье въ Егорьевскій погостъ Толвуйской вол., дѣтей—Татьяну и Михаила на Бѣло-озеро, братьевъ Ѳедора и родственниковъ—кн. Черкасскихъ и Сицкихъ отправили по различнымъ отдаленнымъ мѣстечкамъ сѣвера Россіи. Имѣнье и движимое имущество осужденныхъ было конфисковано, вотчины и помѣстья розданы другимъ¹⁾.

Кого считать виновниками драмы? Самъ-ли Ѳедоръ Никитичъ и его братья дали поводъ заподозрѣть ихъ въ преступныхъ замыслахъ и своими поступками вызвали роковую развязку, или тутъ замѣшаны были происки боярѣ, опасавшихся слишкомъ быстрого возвышенія блестящаго вельможи, или, наконецъ, въ этой катастрофѣ сыграла роль болѣзненная подозрительность Борису, видѣвшаго въ семействѣ Романовыхъ опасныхъ соперниковъ, если не

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 8. (Изд. 1883 г.), стр. 65—66.

для себя самого, то для своего молодого сына? Впоследствии, уже в Сійскомъ монастырѣ, Ѳедоръ Никитичъ съ горечью жаловался Воейкову: „Бояре мнѣ великіе недруги, искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорити людей нашихъ“, и, мысленно перебирая оставшихся около трона боярѣ, иронически прибавлялъ: „не станеть де ихъ съ дѣло ни съ которое, нѣтъ де у нихъ разумного“. Ѳедоръ Никитичъ пришелъ въ ссылку по боярскому суду, и въ этихъ словахъ сказалось тяжелое чувство обиды противъ боярѣ. Но, несомнѣнно, боярскій приговоръ состоялся въ полномъ согласіи съ желаніемъ Бориса и, кто знаетъ, можетъ быть дальновидный царь съ умысломъ прибѣгнулъ къ суду боярѣ, желая сложить съ себя отвѣтственность за участь Романовыхъ.

Мѣстомъ заточенія Ѳедора Никитича былъ избранъ Антоніево-Сійскій монастырь въ Двинскомъ уѣздѣ (теперь Холмогорскаго у. Архангельской губ.). Затерянный среди глухихъ лѣсовъ на далекомъ сѣверѣ, окруженный отовсюду многочисленными озерами, Сійскій монастырь казался Борису надежнымъ убѣжищемъ, гдѣ могли навѣки заглухнуть преступныя мечты опальнаго боярина. А чтобы быть еще болѣе спокойнымъ въ этомъ отношеніи, Борисъ приказалъ возложить на Ѳедора Никитича монашескую рясу. Это событіе такъ занесено въ лѣтописи Сійскаго монастыря: „7107 (1599)¹⁾. Въ царствованіе государя царя і великаго князя Бориса Ѳеодоровича Годунова присланъ былъ въ Сійскій монастырь бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ съ повелѣніемъ застричь его въ монашество. Почему онъ и былъ застриженъ, которому при постриженіи наречено имя Филаретъ“²⁾.

Старца Филарета окружили строгимъ надзоромъ. Чтобы имѣть непосредственное наблюденіе за обра-

¹⁾ Годъ указанъ ошибочно—ссылка Ѳедора Никитича произошла въ 1601 г. Эта ошибка повторяется у многихъ авторовъ, пользовавшихся памятной книгой Сійскаго монастыря.

²⁾ А. Михайловъ. Сійскій монастырь св. Антонія. Справочная книга для Арханг. губ. на 1860 г. Приложение.

зомъ его жизни, къ нему были приставлены спеціальныя сторожа, сперва Романъ Дуровъ, потомъ Богданъ Воейковъ. Послѣдній проявилъ на своемъ посту особенное усердіе. Сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ актамъ, съ заключеннымъ предписывалось обращаться снисходительно: „покой всякой къ нему держать, чтобъ ему ни въ чемъ нужи не было... Буде на немъ платье износится и сапоги и шуба, и дати ему платье новое“¹⁾. Но рвеніе Воейкова шло дальше предписаній, и его бдительность и подозрительность доставили Филарету не мало горькихъ минутъ. Желаніе услужить царю заставляло Воейкова тщательно слѣдить за каждымъ шагомъ заточеннаго, создавать ему всевозможныя стѣсненія, посылать частыя доносы на „государева измѣнника“.

Главной заботой Бориса было порвать всякую связь опальнаго старца съ внѣшнимъ міромъ, окружить его такимъ надзоромъ, чтобы ни одна вѣсть, ни одинъ звукъ, могущіе пробудить въ душѣ Филарета мысли о прошломъ, не проникали извнѣ за стѣны монастыря. „Того смотрѣть накрѣпко“, строго гласилъ приказъ, „чтобъ къ измѣннику къ старцу Филарету къ кельѣ никто не подходилъ и съ нимъ ничего не говорилъ и письма ни отъ кого никакого не подносилъ и съ нимъ не сослался“.²⁾ Ворота монастыря были заперты для прохожихъ богомольцевъ, свободный доступъ въ ограду постороннимъ лицамъ былъ воспрещенъ, и желающіе помолиться чудотворцу Антонію пропускались въ храмъ подъ конвоемъ сторожей. Отъ лица, жившаго съ старцемъ, тщательно выпытывали, какъ велъ себя Филаретъ, что говорилъ, кого вспоминалъ, какими надеждами волновался. О всемъ видѣнномъ, слышанномъ, раздутымъ подозрительнымъ воображеніемъ усердныхъ приставовъ, доносилось въ Москву, а оттуда приходили предписанія усилить надзоръ, увеличить мѣры строгости.

¹⁾ Акты Ист. Т. II, стр. 52.

²⁾ Акты Ист. Т. II, стр. 52.

Какъ невольный инокъ, бывшій „первый московскій щеголь“, переносилъ свое заточеніе? Есть списки съ письма, будто бы писаннаго старцемъ Филаретомъ своему брату Ивану Никитичу. Если письмо это достовѣрно и если списки точно воспроизводятъ подлинникъ, передъ нами достаточно освѣщается положеніе и внутреннее состояніе опальнаго старца. Филаретъ жалуется на мятежное время, вспоминаетъ своихъ товарищей и, сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ, которое онъ занималъ въ Москвѣ, съ болью пишетъ:

„Иногда въ златотканная облачахъ ризы, нынѣ же во вретича и влаеяныя рубы худыя, иногда вино драгое пїяхъ, нынѣ иногда водою сладостно питахся, здѣ хлѣбъ сухъ слезами моими растворяхъ“. Дальше онъ сообщаетъ, что видитъ въ монастырѣ „скорбь не малую отъ лжесловія и клеветъ и навѣтникъ, ово отъ ложнаго писанія на мя подающихъ не токмо отъ мірскихъ, но и отъ духовныхъ отецъ, постнически живущихъ, а злобою всегда промысляющихъ“.¹⁾

Особенно тяжела была для заточеннаго разлука съ женою и съ дѣтьми. Ему не только было запрещено видѣться и переписываться съ ними, само мѣсто ихъ ссылки и ихъ судьба были отъ него скрыты. И нѣжный супругъ и любящій отецъ, отторгнутый отъ близкихъ людей, тосковалъ въ одиночествѣ. Своему „малому“, приставленному къ нему въ качествѣ келейника, повѣрялъ старецъ Филаретъ свои печальныя думы: „Милые мои дѣтки, малыя бѣдныя остались, кому ихъ кормить и поить? таково ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная, наудачу уже жива ли? Чаеть, она гдѣ близко таково жъ замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ“. Горестныя воспоминанія давили грудь. „Лихо на меня жена да дѣти“, восклицалъ онъ; „какѣ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ“. Иногда скорбь о дѣтяхъ принимала такія болѣзненные формы, что

¹⁾ Смирновъ. Указ. сочин., стр. 137—138.